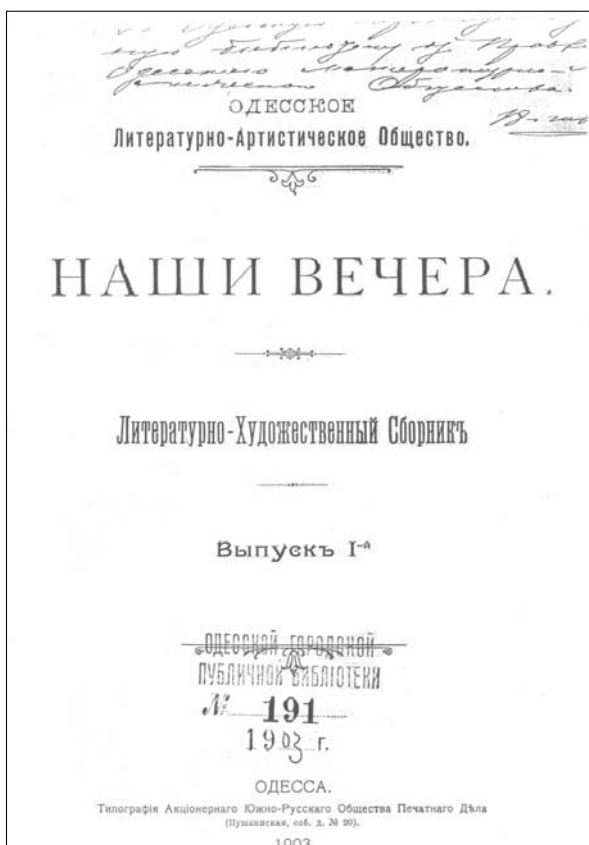

Наши вечера

Под таким названием в январе 1903 года в Одессе вышел первый (оставшийся единственным) выпуск сборника Литературно-артистического общества. Создатели этого полузабытого сегодня альманаха возлагали на него большие надежды – как творческого характера, так и коммерческого; авторами были и члены общества, и почетные гости, выступавшие на вечерах с сообщениями. Страницы книжки украшали работы известных художников южнорусской школы. Почему же в результате нельзя говорить о большой удаче в этом начинании?

История одной из старейших культурных организаций Одессы – Литературно-артистического общества (1898-1920) – хорошо прослеживается по его печатным отчетам, регулярно выходившим и "прозрачно" освещавшим его художественную и финансовую деятельность. Деловые рамки определял устав, который предполагал заботу об увеличении средств и преуспевании общества.

Это еще одна страничка летописи Одессы, представляющая срез жизни одесской интеллигенции конца XIX – начала XX вв. Досуг, хобби для многих литераторов, преподавателей, журналистов, художников, музыкантов, врачей становился на многие годы серьезным и плодотворным занятием. Каждую неделю происходили художественно-литератур-

ные вечера и концерты, устраивались детские праздники и выставки картин (с продажей их) известных одесских художников, собиралась библиотека. Здесь можно было также поиграть в карты и на бильярде. Общие интересы и жажда общения позволяли поделиться знаниями и послушать мнение других, поспорить. Прежде всего, членов общества интересовали вопросы мировой литературы и изящных искусств, и они имели обо всем свое мнение: "Наш город – умственный и художественный центр Юга России", – без комплексов заявляли они.

Что ж, действительно, среди постоянных членов Литературно-артистического общества были В. Дорошевич, А. Федоров, В. Жаботинский, П. Нилус, Е. Буковецкий, Б. Эдуардс, К. Костанди, В. Заузе и многие другие. Почетными гостями бывали И. Бунин, В. Комиссаржевская, М. Кропивницкий, К. Чуковский и т. д.

Сборник "Наши вечера" был задуман для финансовой поддержки деятельности общества и его членов. Материалы для него отбирались из тех, что были заслушаны на прошедших вечерах, многие из рисунков художников были отмечены и премированы на конкурсе общества.

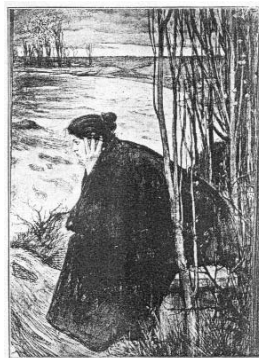
Открывала сборник дискуссионная статья Г. Пекатороса "Современные настроения", отражавшая сомнения и искания человека переломной поры, предчувствовавшего политические и экономические перемены, ведущие "к подавлению свободы, к насильственному облечению человека в футляр". На страницах книги вы найдете стихи и прозу И. Бунина, поэму Э. По "Ворон" в переводе Altalena (В. Жаботинского), стихи А. Федорова и К. Бальмонта, рассказ Л. Андреева. Хранитель городского музея изящных искусств В. Куровский эмоционально написал статью о швейцарском живописце Арнольде Беклине, творчество которого волновало современников, тем более что смерть мастера в январе 1901 года еще отзывалась печальной нотой в сердцах поклонников его таланта. Члены общества предоставили также свои статьи-размышления о Шевченко, Пушкине, Грибоедове, Тургеневе. В частности, любопытна публикация И. Ант. о роли Полины Виардо в жизни Ивана Тургенева, притом, что писатель недавно был современником, а певица в то время была еще жива...

Книга "Наши вечера" вышла, но ожидаемого коммерческого успеха не имела, расходилась с трудом. Для нас она сегодня представляет определенный библиографический интерес, но при этом не покидает сожаление о том, что на этих страницах могло бы быть больше именно краеведческих изысканий, интерес к которым с каждым годом увеличивается.

Татьяна ЩУРОВА

Узоры.

Полумгла опустилась на землю давно.
Свѣтъ луны серебристой прокрался въ окно
И, дрожа, притаился за шторой;
А межъ тѣмъ, за окномъ вѣтеръ вѣтеръ тепломъ
И цѣлуется съ юной софорой.
Томной нѣги полна, что то шепчетъ она...
Что то шепчетъ таинственно, нѣжно...
И на шторѣ моей — отъ кудрявыхъ вѣтвей —
Тѣнь ложится узоромъ небрежно...
Что то странное, новое грезится мнѣ...
Не могу разобрать: на яву иль во снѣ
Я ловлю полутоны? Не знаю:
На яву иль во снѣ я сижу въ тишинѣ
И созвучія смутно слагаю?
Мнѣ сдается, что новыя грезы мои,
Будто скрытыя легкой фатой кисей,
Превратились въ цвѣты и на шторѣ
Въ полусвѣтѣ ночномъ предъ открытымъ окномъ
Потонули въ серебристомъ узорѣ...

ОДИНОЧЕСТВО. Рисун. П. А. Мелера.

Ольга Л.-в.

ЛѢСЪ. Рисун. В. Х. Байра.

ГОЛОВА. РИСУНОКЪ. Рисун. В. И. Дина.

ПАРИЖАНКА. Рису. В. В. Коренев.

In memoriam.

Спокойный взоръ, подобный взору лани,
И все, что въ немъ такъ нѣжно я любилъ,
Я до сихъ поръ въ печали не забылъ,
Но образъ твой теперь уже въ туманѣ.
А будутъ дни — угаснетъ и печаль,
И засинѣетъ сонъ воспоминанья,
Гдѣ нѣтъ уже ни счастья, ни страданья,
А только всепрощающая даль!

Ив. Бунинъ.

Здѣсь, на морскомъ пустынномъ берегу
Живу я замкнуто и одиноко.
Свое уединенье берегу.
Передо-мною, куда ни взглянетъ око, —
Все море, море... Такъ сроднился я
Съ его душой, что кажется порою,
Въ немъ разлилась душа моя;
Его душа владѣть гордо мною.
Я никогда не видѣлъ, чтобъ оно
Одно и то же было видомъ, цвѣтомъ.
Измѣнчивостью сродное съ поэтомъ,
Оно лишь только съ небомъ заодно.

Люблю я шумъ съдыхъ его валовъ,
Торжественный и дико величавый,
Какъ голоса невѣдомыхъ боговъ,
Рыдающихъ надъ пошlostью лукавой.
Люблю покой глубокой тишины,
Задумчивость безсмертнаго Титана,
Далекаго отъ злобы и обмана.
Люблю его полуночные сны,
Когда такъ дерзко, вдохновенно
Сверкаютъ звѣзды съ горней высоты,
Смѣясь надъ тѣмъ, что призрачно и тлѣнно,
Опутано сѣтями суеты.

Люблю бродить я среди скалъ суровыхъ,
Одѣтыхъ мохомъ, и кричать и пѣть
Въ избытокъ чувствъ волнующихъ и новыхъ,
Иль съ тихою печалью замереть
Въ мечтахъ о томъ божественномъ и странномъ,
Что вызываетъ слезы на глаза...

Вотъ валь у ногъ, блеснулъ, какъ бирюза,
Вздохнулъ. И вижу: облакомъ туманнымъ
Корабль уходитъ вдаль. И я ему
"Прощай" шепчу, какъ другу своему.

А. Бедоровъ.

5 Января 1902 г.

Одесса

ТИПЫ. Рисунок С. В. Ковалевскаго.

ВООРУЖЕН. Рисунок Н. Н. Давыдова.

СУМАСШЕДИШІЙ. Рисунок Н. К. Алексеевича.

АВТО-ПОРТРЕТЪ КРАМЛИНИНА А. БОКЛОВА.

Фурганевъ.

Личная жизнь Турганева существенно зависѣла отъ того обстоятельства или "происшествія", о которомъ онъ разсказалъ устами героя своей повѣсти "Переписка". Это было въ 1845 г. Въ Петербургѣ тогда гремѣла оперная труппа съ г-жею Виардо во главѣ. Кромѣ необыкновеннаго голоса и высокой драматической игры, эта артистка, — говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ Бергъ, — обладала такими достоинствами, которыя даются немногимъ: она была образована, обладала большими средствами; говорила на многихъ языкахъ и отличалась чрезвычайнымъ изяществомъ пріемовъ. Въ театрѣ, когда она играла, стономъ стонала весь партеръ; большаго сумасшества и восторговъ, казалось, до тѣхъ поръ не видали. Въ особенности дѣйствовала на зрителей необыкновенная страстность ея игры. Рубини говорилъ ей не разъ послѣ игры: "не играй такъ страстно — умрешь на сценѣ".

Такимъ образомъ, Виардо въ высокой степени обладала свойствомъ создавать вокругъ себя поклон-

ников. Въ числѣ ихъ мы видимъ и Ивана Сергѣевича. Но онъ не былъ поклонникомъ шаблоннымъ, — подобно тому, какъ не былъ таковымъ и Алексѣй Петровичъ герой "Переписки". Его привязанность къ артисткѣ носила характеръ серьезнаго и глубокаго чувства. Какъ оно возникло и что это была за привязанность — отвѣты на эти вопросы мы найдемъ въ нижеслѣдующемъ разсказѣ Алексѣя Петровича, — разсказѣ, несомнѣнно, имѣющемъ нѣкоторыя автобиографическія черты.

Въ послѣднемъ письмѣ своей "Переписки" Алексѣй Петровичъ такъ повѣствуетъ о своей любви. "Скоро послѣ моего послѣдняго письма къ вамъ, со мной случилось происшествіе, имѣвшее, ужъ точно можно сказать, сильное вліяніе на мою судьбину... А именно: я отправился въ театръ смотрѣть балетъ. Я балетовъ никогда не любилъ и ко всѣмъ возможнымъ актрисамъ, пѣвицамъ, танцовкамъ чувствовалъ всегда тайное отвращеніе... Но, видно, ни судьбы своей перемѣнить нельзя, ни самаго себя никто не знаетъ, да и будущее тоже предвидѣть невозможно... Словомъ, я влюбился въ одну танцовщицу. Это было тѣмъ болѣе странно, что и красавицей ее нельзя назвать... Съ той самой минуты, какъ я увидѣлъ ее въ первый разъ, — съ той роковой минуты я принадлежалъ ей весь, вотъ, какъ собака принадлежитъ своему хозяину... Я уже не могъ жить нигдѣ, гдѣ она не жила; я оторвался разомъ отъ всего мнѣ дорогаго, отъ самой родины, и пустился вслѣдъ за этой женщиной... Помните, какъ мы съ вами словесно и письменно разсуждали о любви, въ какія тонкости вдавались; а на повѣрку выходить, что настоящая любовь — чувство, вовсе не похоже на то, какъ мы ее себѣ представляли. Любовь даже вовсе не чувство; она — болѣзнь, извѣстное состояніе души и тѣла; она не развивается постепенно; въ ней нельзя сомнѣваться, съ ней нельзя хитрить, хотя она проявляется не всегда одинаково; обыкновенно она овладѣваетъ человѣкомъ безъ спроса, внезапно, противъ его воли — ни дать, ни взять холера или лихорадка... Въ любви нѣтъ равенства, нѣтъ такъ называемаго свободнаго соединенія душъ и прочихъ идеальностей... Нѣтъ, въ любви одно лицо — рабъ, а другое — властелинъ, и не даромъ толкуютъ поэты о цѣляхъ, налагаемыхъ любовью. Да, любовь — цѣль, и самая тяжелая".

Такъ было и съ Тургеневымъ. Со времени пріѣзда г-жи Віардо въ Петербургъ, его жизнь переплелась съ жизнью артистки такими крѣпкими нитями, что онъ ничего уже не могъ въ ней измѣнить. Отправившись въ 1846 году вслѣдъ за Віардо за границу, Тургеневъ съ тѣхъ поръ, за исключеніемъ небольшого перерыва, сообразовалъ уже свою жизнь съ ея жизнью. Если она перемѣняла мѣсто жительства — и онъ съ нею; если отправлялась она въ Лондонъ, Бадень, Парижъ, и онъ ѣхалъ туда-же вмѣстѣ съ нею.

Заграницей Тургеневъ пробылъ съ конца 1840 г. и по конецъ 1850 года. Въ этомъ году, по случаю смерти матери, онъ вернулся въ Россію и почти все время, до конца 1856 г., прожилъ въ деревнѣ, куда былъ высланъ за статью на смерть Гоголя. Въ 1856 году онъ снова уѣхалъ за границу и оставался тамъ до самой смерти, причемъ, вторичный отъѣздъ его Некрасовъ напутствовалъ слѣдующимъ стихотвореніемъ.

И. С. Тургенев
Рисунок П. Віардо. 1879

Прощай! Завидую тебѣ —
Твоей поѣздкѣ, не судьбѣ:
Я гордостью, ты знаешь, болень
И не смѣняю ни на чью,
Судьбу плачевную мою,
Хоть очень ею недоволенъ.
Ты счастливъ. Ты воскреснешь вновь;
Въ душѣ твоей проснется живо
Все, чѣмъ терзаетъ прихотливо
И награждаетъ насъ любовь —
Пора награды, улыбокъ ясныхъ,
Простыхъ, какъ молодость, рѣчей,
Ночей таинственныхъ и страстныхъ
И полныхъ сладкой лѣни дней!
Ты зналъ ее?.. Нѣтъ лучшей доли!
Живешь легко, глядишь свѣтлѣй,
Не жалко времени и воли,
Не стыдно праздности своей,
Душа тоскливо вдале не рвется
И вся блаженна передъ той,
Чье сердце ласковое бьется,
Однимъ биеніемъ съ тобой...
Счастливецъ! Изъ доступныхъ міру
Ты наслажденій взять умѣлъ
Все, чѣмъ прекрасенъ нашъ удѣлъ:
Богъ далъ тебѣ свободу, лиру
И женской любящей душой
Благословили твой путь земной...

Такимъ образомъ, для друзей Тургенева его привязанность не была тайною; а насколько велико было чувство нашего романиста къ знаменитой артисткѣ, — судить о томъ можно по письму его къ Писемскому. Въ 1871 году въ Россіи распространился слухъ, будто г-жа Віардо умерла. Желая утѣшить Тургенева въ этой утратѣ, Писемскій выразилъ ему сочувствіе черезъ Анненкова. Слѣдствіемъ этого было нижеслѣдующее письмо Тургенева къ Писемскому. "Отъ Анненкова, — писалъ онъ, — я узналъ, что ложный слухъ о кончинѣ г-жи Віардо васъ встревожилъ, и ваше сочувствіе ко мнѣ выразилось съ особенной теплотой. Благодарю васъ искренно за ваше дружеское участіе, которое мнѣ очень дорого. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что, оказавшись то извѣстіе справедливымъ — всякій жизненный интересъ для меня прекратился-бы".

Но если неизмѣримо было значеніе для Тургенева личности Віардо, то отсюда, казалось-бы, можно заключить, что онъ вообще былъ счастливъ. Между тѣмъ факты говорятъ иное.

Полина Виардо-Тарсина
Литография Р. Р. с ее автопортрета
Конец 1840-х гг.

Къ семейной жизни Тургеневъ питалъ весьма сильную любовь; онъ называлъ ее "главнымъ кушемъ въ жизненной лоттерей" и видѣлъ въ ней достаточную гарантію для личнаго спокойствія. Старающъ въ письмахъ 1870 г. разсѣять пессимизмъ Писемскаго, Тургеневъ пишетъ ему, чтобы онъ не забывалъ, что выигралъ главный кушъ въ жизненной лоттерей, — именно: имѣть прекраснѣйшую жену и славныхъ дѣтей. "Стало быть, — заключаетъ онъ, — хандрить-то и не слѣдуетъ".

Одинъ видъ согласной семейной жизни ласкалъ его и вносилъ въ его душу успокоеніе... Онъ радуется, напримѣръ, извѣстію о женитбѣ Анненкова и при этомъ пишетъ, что не желалъ-бы ему большаго счастья чѣмъ то, которымъ на его глазахъ наслаждались его знакомые — Кочубен. "Я ихъ часто вижу и люблюсь, какъ старый дядя, ихъ жизнью", — прибавляетъ онъ. И Тургеневъ не даромъ назвался здѣсь старымъ дядей: за отсутствіемъ личной семейной жизни онъ причислялъ себя къ неудачникамъ, и та жизнь, какою онъ жилъ, не избавляла его отъ чувства одиночества. Отсюда онъ постоянно и совершенно искренно старается предотвратить отъ подобнаго положенія друзей своихъ, и, при всякомъ подходящемъ случаѣ, совѣтуетъ имъ непременно жениться, прибавляя тутъ-же: "это вамъ совѣтуетъ старый холостякъ, который знаетъ, какъ горько быть холостякомъ".

А такъ какъ жизнь безъ своей семьи навсегда осталась для него жизнью безсемейнаго бобыля, то грустное чувство одиночества въ сущности не покидало его до послѣднихъ дней жизни.

И въ самомъ дѣлѣ, вы чувствуете, что только личная боль могла продиктовать ему заключительную фразу стихотворенія "Голуби". Хорошо ему было смотрѣть на двухъ бѣлыхъ голубей, рядышкомъ сидѣвшихъ подъ навѣсомъ крыши въ то время, когда на дворѣ визжалъ и метался, какъ бѣшенный, вѣтеръ, лилъ ливень, слѣпила молнія и стрѣляло, точно изъ пушки, отрывистый громъ. "Хорошо имъ, — казалось поэту; и мнѣ хорошо — говорить онъ — глядя на нихъ... Хотя я и одинъ... одинъ, какъ всегда".

Уже цыганская жизнь, на которую Тургеневъ осудилъ себя, сама по себѣ мало отвѣчала его потребностямъ и наклонностямъ. На первыхъ порахъ по отъѣздѣ за границу, онъ не однажды дѣлалъ попытку возвратиться домой. "Я уже слишкомъ старъ, — писалъ онъ тогда Л. Н. Толстому, — чтобы не имѣть гнѣзда, чтобы не сидѣть дома. Весной я непременно вернусь въ Россію, хотя вмѣстѣ съ отъѣздомъ отсюда — я долженъ буду проститься съ послѣдней мечтой о такъ называемомъ счастьѣ — или, говоря яснѣе, съ мечтой о веселости, происходящей отъ чувства удовлетворенія въ жизненномъ устройствѣ".

Но въ Россію Тургеневъ не вернулся, и всю свою заграничную жизнь прожилъ въ семьѣ Виардо. Здѣсь на него смотрѣли, — говорилъ онъ, — не какъ на литератора, а какъ на человѣка, — здѣсь ему было "спокойно и тепло". На самомъ-же дѣлѣ спокойствіе въ данномъ случаѣ было далеко не полнымъ и мало напоминало собою счастье.

Чувство одиночества овладевало Тургеневым очень часто и потому еще, что он сознавал свою оторванность от родной почвы. Сь этой послѣдней стороны Тургеневъ представляет большой психологической интересъ. Дѣло въ томъ, что сь первыхъ же дней постоянной жизни за границей онъ не только ясно увидѣлъ, что все русское ему теперь вдвойнѣ дорого, но почувствовалъ себя точно "вывихнутымъ", сознавалъ себя никому не нужнымъ и ничѣмъ не связаннымъ сь другими. "Надо прѣѣзжать сюда — пишетъ онъ — молодымъ, когда еще собираешься только жить, или уже старымъ, когда покончить жизнь". А чѣмъ дальше, тѣмъ все больнѣе и больнѣе отзывается въ сердцѣ его сознание оторванности отъ родной почвы.

Графу Л. Н. Толстому онъ пишетъ: "я въ этомъ чужомъ воздухѣ разлагаюсь, какъ мерзлая рыба при оттепели". Подъ влияніемъ, затѣмъ, писемъ изъ Россіи, въ которыхъ рисовались соблазнительныя картины "совокушнаго житья" и дѣятельности покинутыхъ имъ друзей, онъ клянется сь будущей зимы проводить "всѣ зимы своей жизни" непременно въ Петербургѣ.

Слѣды тоски по родинѣ мы находимъ и въ "Асѣ", написанной въ теченіе того періода, о которомъ идетъ рѣчь. Сь этимъ-же чувствомъ Тургеневъ не могъ примириться и свыкнуться и впоследствии. "Меня не только тянетъ, меня рветъ въ Россію, да ты все-таки сиди!" больной уже пишетъ онъ въ концѣ 1882 года. И прикованный къ постели, почти увѣренный въ томъ, что Россію ему не придется больше увидѣть, Тургеневъ шлетъ поэту Полонскому трогательное порученіе, въ которомъ слышатся сдержанныя слезы тоски.

"Когда вы будете въ Спасскомѣ, поклонитесь отъ меня дому, саду, моему молодому дубу — родинѣ поклонитесь, которую я уже, вѣроятно, никогда не увижу".

Если мы взглянемъ на положеніе Тургенева, какъ русскаго писателя, постоянно жившаго за границей, то и здѣсь найдемъ нѣчто такое, что постоянно преслѣдовало его и мучило.

Въ немъ никогда не умирала любовь къ родинѣ; его сердце, — по выраженію Поля Бурже, — чувствовало постоянное и какъ бы мистическое общеніе съ сердцемъ цѣлаго народа. Любовь рождала сознание извѣстныхъ обязанностей въ отношеніи родины. Но самое служеніе ей могло совершаться сь неослабывающею бодростью лишь при явной увѣренности, что трудъ приноситъ именно ту пользу, которая могла быть единственною цѣлью. Взглядъ Тургенева на этотъ счетъ ясно выразился въ рѣчи, сказанной въ мартѣ 1879 г. въ Москвѣ. "Для начинающаго писателя сочувствіе молодого поколѣнія, его сверстниковъ, конечно, драгоценно — говорилъ Тургеневъ: — оно служить ему сильнымъ поощреніемъ; но для писателя старѣющаго, уже готовящагося покинуть свое поприще, это сочувствіе есть — скажу прямо — величайшая, единственная награда, послѣ которой уже ничего не остается желать. Оно доказываетъ ему, что жизнь его не прошла даромъ; труды его не пропали; брошенное имъ сѣмя — дало плодъ!"

Но всегда-ли Тургеневъ пользовался спокойно и увѣренно такимъ именно сознаніемъ? — вотъ вопросъ, который не можетъ быть обойденъ молчаніемъ, когда заходитъ рѣчь о его одиночествѣ.

Полина Виардо-Гарсиа
Рисунок В. Тимма. 1853

Ни одно крупное произведение Тургенева не проходило без того, чтобы по адресу автора не было послано множества упреков и на счет пребывания его за границей, и на счет незнания жизни родины, и смелости, с которой он берет за художественное воспроизведение общественных явлений и т. п., — не говоря уже об упреках в разных "измѣнах". Все такіе нападки сильно влияли на Тургенева и отражались в письмах его къ друзьямъ въ формѣ какой то унылости. Рядомъ съ тѣмъ въ нихъ сказывалось и раздраженіе. Тургеневъ терялъ иногда самообладаніе, называя критику "лаемъ мальчишекъ". Но если изъ всего этого выдѣлить временное, возникавшее подъ влияніемъ минутныхъ обстоятельствъ, то все-таки нельзя не подмѣтить въ унылости Тургенева и нѣчто постоянное и дѣйствительно серьезное.

Шале И.С. Тургенева в Буживалѣ

Какъ писатель, Тургеневъ, — по его собственнымъ словамъ, — никогда не отправлялся отъ идей, а всегда отъ образовъ".

Поэтому его должна была страшить мысль, что при недостаткѣ образовъ музѣ его "не съ чего будетъ писать свои картинки". И, разбираясь въ своемъ сомнѣніи по случаю нападковъ на нѣкоторую фальшивость въ иныхъ его образахъ, онъ не могъ не согласиться съ извѣстною долею основательности указаній критики. Отсюда сознаніе, что въ литературныхъ дѣлахъ онъ "принужденъ, какъ медвѣдь зимой, сосать собственную лапу" и что "нельзя, рѣшительно нельзя писать русскія вещи, рисовать русскую жизнь, пребывая за границей", — или, по крайней мѣрѣ, нельзя долго писать, оторвавшись отъ ночвы. Въ 1876 г. онъ пишетъ Салтыкову: "что касается до меня и до невыгодности житья за границей, вдали отъ родной почвы, вдали отъ столкновеній и состязаній, вы тысячу разъ правы".

Спустя два года, Тургеневъ уже прямо заявляетъ, что нынѣшняя жизнь сложнѣе прежней, и рисовать ее, живя за границей, трудно, да едва ли и слѣдуетъ.

Такимъ образомъ, если принять во вниманіе, что совокупность житейскихъ условій налагаетъ печать на душевное настроеніе человѣка, то станеть ясно, что отмѣченные выше факты должны были сыграть не послѣднюю роль въ исторіи Тургеневской "унылости"

Можно только замѣтить, что нигдѣ она не переходитъ у него въ чувствительность или пессимизмъ — этому Тургеневъ всегда умѣлъ противопоставить нѣчто болѣе сильное и жизненное, — именно — любовь къ родинѣ и вѣру въ лучшее будущее ея...

У. Анн.

